

A young man in a dark military uniform with a blue and yellow sash, standing in a war-torn city street. The background shows damaged buildings and a car. The man is looking slightly to the right with a serious expression.

Алексей Кукушкин

**Там, где гнутся
дубы - 3**

Алексей Кукушкин

Там, где гнутся дубы - 3

«Автор»

2026

Кукушкин А. Н.

Там, где гнутся дубы - 3 / А. Н. Кукушкин — «Автор», 2026

цветное изображение с флагом Швеции герой молодой 25 лет. Февраль 1945 года. Шведский офицер Карл Энерот возвращается из делового Лондона, где вместо скучных переговоров о лицензиях и крейсерах нашёл след нацистского сокровища — картины «Дама под вуалью», спрятанной в австрийских соляных шахтах. Но дома его ждут не только мамыны фрикадельки и старый «Вольво». Генеральный штаб готовит тайную переброску дивизий к границе с Германией, в кабинете появляются секретные финские документы, а Биргитта, его спутница и союзница, требует не лезть в авантюры. Однако Карл решает иначе. Война кончается, но его война — за память, за искусство, за женщину под вуалью — только начинается. Австрия, Швейцария, старые враги и новые союзники: сможет ли шведский дворянин обмануть всех и вернуть сокровище, стоящее больше, чем любой контракт? Продолжение приключений Карла Энерота — ирония, опасность и шведский нейтралитет на излёте Второй мировой.

© Кукушкин А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тайный визит.	5
Новое назначение.	6
Февральская встреча	8
Операция «Легенда».	9
Подготовка к отъезду	12
Последние приготовления	15
Поезд до Берлина	20
Фленсбург	23
Граница	26
Берлин	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Там, где гнутся дубы - 3

Тайный визит.

Утро девятнадцатого февраля выдалось морозным и туманным, и Берлин, израненный бомбардировками, утонул в серой дымке, которая не рассеивалась даже к полудню. Снег, перемешанный с сажей, покрывал руины, придавая городу вид гигантского кладбища, где вместо надгробий торчали обгоревшие стены и искореженные балки. На окраине, где когда-то стояли виллы чиновников, теперь зияли пустоты, и только дым из труб редких уцелевших домов свидетельствовал о том, что здесь ещё теплится жизнь.

В одной из таких вилл, принадлежавшей СС, проходила тайная встреча. За массивными дубовыми дверями, в комнате, где на стенах висели карты военных действий и портрет фюрера, за столом сидел вице-президент Шведского Красного Креста Фольке Бернадотт, высокий, элегантный мужчина с усталыми глазами, и напротив него рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, в чёрной форме, с неизменными серебряными знаками различия. За окном, покрытым инеем, ветер гнал позёмку, и в камине потрескивали дрова, отбрасывая красноватые блики на их лица.

Гиммлер, который уже знал, что война проиграна, искал пути к спасению. Он готов был отпустить норвежских и датских узников концентрационных лагерей, чтобы создать видимость доброй воли перед союзниками. Бернадотт, понимая, что это единственный шанс спасти тысячи людей, согласился на переговоры, хотя и знал, что имеет дело с человеком, чьи руки обгажены кровью миллионов.

Положение пленных в лагерях было ужасным. В Освенциме, Бухенвальде, Дахау норвежцы и датчане, которых нацисты считали «политическими заключёнными», умирали от голода, болезней и побоев. Лагеря, огороженные колючей проволокой, с вышками, на которых стояли часовые, утопали в грязи, и из бараков, где люди спали на нарах по несколько человек, доносился кашель, стоны и молитвы на разных языках.

Бернадотт, выходя из виллы, думал о том, что эти переговоры, лишь малая часть того, что нужно сделать, чтобы спасти людей. Но он знал, что если Гиммлер согласится, то тысячи норвежцев и датчан будут вывезены в Швецию, в лагеря для беженцев, где их накормят, оденут и вылечат. Он сел в машину и, глядя на проплывающие за окном руины, подумал о том, что война, которая уже давно перестала быть справедливой, теперь превратилась в бессмысленную бойню, и что каждый спасённый, это маленькая победа над хаосом.

Новое назначение.

Стокгольм, 19 февраля 1945 года. Я вошёл в штаб на Биргер Ярлсгатан, 26, ровно в восемь, но вместо того чтобы подняться в свой кабинет, направился к майору Линду. Он сидел за столом, заваленным картами, и, подняв голову, сказал: «Энерот, вы временно откомандированы в распоряжение полковника Линдерота. Срочно. Забирайте свои вещи и ступайте».

Я удивился, но перечить не стал, и через десять минут уже стоял в приёмной разведывательного управления на Стрёмгатан, 3. Внутри пахло табаком и старыми картами, а на стенах висели портреты королей и схемы немецких укреплений. Линдерот, сухой, рябой, с трубкой в зубах, встретил меня в коридоре и сказал: «Энерот, отныне вы мой сотрудник. Проходите, показывайте, что вы привезли из Лондона».

Я прошёл в его кабинет — тесную комнату с высокими окнами, затянутыми маскировочными шторами, и сейфом, который занимал полстены. На столе лежали карты, папки и пистолет «Вальтер» — трофейный, с гравировкой на рукоятке. Я поставил на стул свой сейф «Кэптен Фьюри», открыл его и выложил содержимое: армейский циркуляр с шифровальными кодами, потрёпанную книгу по криптографии, зашифрованные радиоперехваты немецких сообщений, старую карту звёздного неба с пометками штурмана и серебряный портсигар.

Линдерот, бегло просмотрев бумаги, вызвал адъютанта и сказал: «Это в секретный отдел, немедленно. Пусть расшифруют всё, что смогут».

Адъютант, молодой лейтенант с острым лицом и цепкими глазами, собрал документы и вышел.

«Теперь, Энерот, — сказал Линдерот, закуривая трубку, — рассказывайте о главном. О картине».

Я подошёл к карте, висевшей на стене, и ткнул пальцем в Померанию. «Полковник, «Дама под вуалью» это не просто произведение искусства, а ключ к Померании. Если мы вернём картину, мы сможем заявить права на земли, которые Швеция потеряла в 1814 году, а на этих землях, на острове Рюген, находится секретный ракетный полигон, где немцы испытывают свои V-2.

Если мы получим контроль над полигоном, мы получим технологии, которые позволят нам создавать баллистические ракеты. Это изменит баланс сил на Балтике».

Линдерот выпустил клуб дыма и, прищурившись, спросил: «Откуда вы знаете про полигон?» Я ответил: «Из документов, которые мы вывезли из Берлина. Немцы не успели их уничтожить».

Линдерот встал, подошёл к карте и, водя пальцем по побережью, сказал: «Рюген... Да, это остров. Там действительно проводят испытания. Наши агенты докладывали о странных взрывах в 1943-м, но мы не придали значения».

Он повернулся ко мне. «Что ещё, Энерот? Вы говорили о каком-то компьютере».

Я достал из сейфа блокнот, где записывал свои идеи, и сказал: «Полковник, в Берлине работает инженер Конрад Цузе. Он создал программируемый компьютер, который может взламывать любые шифры. Если мы заполучим его и его машину, мы сможем не только расшифровать немецкие сообщения, но и создать свои шифры, которые никто не сможет взломать. Это даст нам преимущество в разведке на десятилетия вперёд».

Линдерот нахмурился, но промолчал, и я добавил: «И ещё, атомный проект Германии. Немцы были близки к созданию бомбы. Если мы не вывезем их учёных и технологии, это сделают русские или американцы, и тогда Швеция останется на обочине».

Линдерот сел в кресло и, глядя на огонь в камине, сказал: «Вы предлагаете нам, нейтральной стране, украсть у немцев секреты, которые могут изменить ход войны?»

Я ответил: «Я предлагаю нам, шведам, не упустить свой шанс. Война кончается, и мир будет перекроен заново. Если мы не успеем сейчас, то через десять лет будем зависеть от русских или американцев, а у нас есть свой путь, полковник. Путь, который сделает Швецию великой».

Линдерот долго молчал, потом встал и, подойдя к сейфу, достал папку с грифом «Совершенно секретно».

«Хорошо, Энерот. Я организую вам встречу с людьми, которые могут помочь. Но помните: если мы провалимся, я вас не знаю и Швеция вас не знает».

Я кивнул и, чувствуя, как от этих слов внутри закипает холодная решимость, вышел из кабинета, оставляя за собой запах табака и надежды.

Февральская встреча

За окнами санатория "Гогенлихен", расположенного среди сосен под Лихеном, валил снег. Гиммлер, как всегда, был пунктуален. Бернадотт отметил про себя, что рейхсфюрер СС сменил свой обычный мундир на более скромный полевой френч без знаков различия, тот жест, который должен был создать иллюзию "неофициальности" разговора. Гиммлер был сама вежливость: спросил, как прошла дорога, не нужно ли кофе или чего покрепче, и извинился, что принимает гостя "в таком месте, а не в Берлине, где, как вы знаете, каждую ночь бывает налёт". Бернадотт отказался от бренди, попросив только чай.

В комнате царил полумрак. Портреты Гитлера на стене, камин, в котором потрескивали дрова, и огромная карта, наброшенная на стол. Разговор шёл о скандинавских заключённых, которых Бернадотт хотел вывезти в Швецию. Гиммлер, поигрывая кольцом с черепом, уклонялся, ссылаясь на приказы, но Бернадотт заметил, что он слушает внимательно. В какой-то момент рейхсфюрер, как бы невзначай, спросил: "Скажите, граф, а как в Швеции относятся к человеку, у которого есть... скажем, капитал, но нет документов? Говорят, ваши банки очень надёжны."

Бернадотт сжал подлокотник кресла, из этих слов он понял, что Гиммлер не просто спасает своё положение, он спасает награбленные сокровища. Те самые 40 тонн золота, которые немцы вывезли из европейских банков и о существовании которых Бернадотт знал по слухам.

В конце беседы, когда Бернадотт уже потерял надежду пробить стену безразличия, Гиммлер неожиданно сменил тему.

"Знаете, граф, — сказал он, наливая себе коньяк, — я всегда считал, что между нашими народами больше общего, чем различий. Вы, скандинавы, тоже северная раса, а северная раса должна договариваться, а не уничтожать друг друга".

Бернадотт молчал, он понимал, что этот человек ищет выход из войны, и что через него, Бернадотта, этот выход будет найден или не найден вообще. Они расстались почти дружески, но Бернадотт увёз с собой только обещание подумать, до реального соглашения было ещё далеко.

Операция «Легенда».

Стокгольм, 19 февраля 1945 года, после обеда. Сразу после обеда, когда я вернулся в кабинет Линдерота, в дверь постучали, и на пороге появился сухой, подтянутый мужчина лет сорока в штатском костюме, с лицом, которое, казалось, было выточено из серого гранита.

«Полковник, — сказал он, козырнув, — лейтенант Энерот готов к инструктажу».

Линдерот кивнул и, повернувшись ко мне, произнёс: «Энерот, это майор Бергман, наш лучший специалист по оперативной легенде. Он будет готовить вас к поездке в Германию. Слушайте его внимательно, от этого зависит ваша жизнь».

Бергман жестом пригласил меня следовать за ним, и мы прошли в соседнюю комнату, где на столе лежали документы, карты и несколько комплектов одежды.

Бергман начал с того, что разложил передо мной документы на имя Карла Бергмана — торгового агента SKF, шведского концерна, производившего шарикоподшипники, которые были жизненно необходимы немецкой военной промышленности.

«Запомните, — сказал он, — вы не барон, не лейтенант, вы коммивояжёр, который едет в Германию, чтобы обсудить поставки подшипников. Ваш немецкий должен быть хорошим, но с лёгким шведским акцентом, это естественно. Не пытайтесь говорить как берлинец, это вызовет подозрения».

Он попросил меня прочитать несколько фраз на немецком, и я, стараясь копировать интонации, которые слышал от немецких офицеров во время футбольного матча, произнёс: «Guten Tag, ich bin Karl Bergmann von SKF. Wir haben neue Lieferungen von Kugellagern».

Бергман кивнул: «Неплохо, но акцент слишком чист. Сделайте его чуть грубее, как будто вы из северной Швеции».

Одежда, которую мне предстояло носить, была подобрана с тщательностью театрального костюмера. Тёмно-синий костюм из добротной, но не бросающейся в глаза шерсти, серая шляпа, плащ с подкладкой, на которой не было никаких опознавательных знаков.

«Никаких нашивок, никаких эмблем, — объяснил Бергман. — Ваша одежда должна говорить: «Я деловой человек, я не беден, но и не богат, я середняк, которого не стоит грабить, но и не стоит задерживать».

Он показал мне, как носить портфель, чтобы он не привлекал внимания, и как держать сигарету, чтобы создавать впечатление человека, который не привык к роскоши.

«И ещё, — добавил он, — в Германии сейчас холодно. Наденьте под костюм шерстяное бельё. Это практично и соответствует образу».

Документы были выполнены на старой, пожелтевшей бумаге, с печатями и подписями, которые, как объяснил Бергман, были сделаны специалистами, копировавшими почерки реальных чиновников.

«Ваша легенда: вы родились в Эребру, в 1919 году, ваш отец погиб на заводе, когда вам было десять, вы учились в торговой школе, работали в SKF с 1938 года. У вас есть жена и двое детей, вы живёте в Стокгольме, на Гётгатан, 42. Запомните эти данные как «Отче наш». Если вас спросят, вы должны отвечать не задумываясь».

Я повторил легенду несколько раз, и Бергман, удовлетворённый, сказал:

«Теперь ваши привычки. Немцы педантичны, они замечают мелочи. Когда вы пьёте кофе, держите чашку тремя пальцами, не двумя. Когда здороваетесь, не кланяйтесь, а просто кивайте и никогда, слышите, никогда не говорите «Heil Hitler», если вас не вынудят к этому обстоятельству. Просто «Guten Tag» или «Auf Wiedersehen».

Вопросы этикета были не менее важны, чем документы. Бергман показал, как вести себя за столом, как правильно пользоваться ножом и вилкой, чтобы не выдать себя, и как отвечать на вопросы о Швеции, чтобы не вызвать подозрений.

«Если вас спросят о политике, скажите, что вы не интересуетесь политикой, что вы человек дела. Если спросят о короле, скажите, что он хороший человек, но вы не монархист. Если спросят о евреях, скажите, что вы их не видели. И главное не спорьте. Соглашайтесь, кивайте, улыбайтесь. Вы торговец, ваша цель продать подшипники, а не изменить мир».

Оружие и специальное снаряжение, которое мне предстояло взять с собой, было спрятано в двойном дне чемодана. Маленький пистолет Walther PPK, который можно было незаметно носить в кармане плаща, несколько запасных обойм, ампулы с цианидом на случай пыток, которые, как объяснил Бергман, «лучше не использовать, но иметь при себе необходимо», и специальные карты, которые при смачивании проявляли скрытые пометки.

«Это на крайний случай, — сказал он. — Если вы потеряете документы, или если вас заставят их показать, эти карты помогут вам найти явки и пароли».

Я спросил, есть ли у меня связные в Германии, и Бергман, покопавшись в ящике, достал список имён и адресов, написанных невидимыми чернилами.

«Ваши контакты — два человека. Один — в Берлине, другой — в Гамбурге. Они будут ждать вас в условленных местах. Пароль: «Я от Свена из Стокгольма». Отзыв: «Свен передаёт привет». Запомните: эти люди не знают друг друга, и они не знают вашего настоящего имени. Для них вы Карл Бергман, торговец».

Я переписал пароли в блокнот, который Бергман выдал мне вместе с документами, и спрятал его во внутренний карман пиджака.

Линдерот, наблюдавший за подготовкой, сказал: «Выезжаете через три дня. Этого достаточно, чтобы выучить легенду и привыкнуть к новому облику. Ваш поезд отходит из Стокгольма в семь утра, вы будете в Берлине через два дня, с пересадкой в Гамбурге. Всё, что вы узнаете, докладывайте через связных и помните: если вас схватят, мы вас не знаем, ни Швеция, ни SKF, никто». Я кивнул, чувствуя, как от этих слов внутри закипает холодная, тяжёлая решимость. Бергман, закончив инструктаж, протянул мне руку и сказал: «Удачи, лейтенант. Надеюсь, вы вернётесь».

Я пожал его ладонь и, взяв со стола документы и чемодан, вышел из комнаты, оставляя за собой запах табака и старых карт.

Я вышел от Линдерота, когда уже стемнело, и фонари на набережной горели жёлтым светом, отражаясь в чёрной воде пролива. Я шёл не спеша, давая мыслям о предстоящей поездке улечься в голове, и на углу Биргер Ярлсгатан заметил маленький музыкальный магазин, из распахнутой двери которого доносилась музыка — не радио, не патефон, а живой, тёплый звук, который, казалось, плыл по улице, приглашая зайти. Я толкнул дверь, и внутри, в полумраке, освещённом лишь несколькими лампами под зелёными абажурами, меня встретил запах полированного дерева, лака и ещё чего-то неуловимого, что всегда бывает в местах, где живёт музыка.

Хозяин, пожилой мужчина с седыми усами и в тёмном жилете поверх клетчатой рубашки, стоял за прилавком и протирал тряпкой патефон. Увидев меня, он кивнул и сказал: «Добрый вечер, барон. Давно вас не видел. Ищете что-то конкретное?»

Я ответил, что просто смотрю, и он, улыбнувшись, жестом пригласил меня осмотреться. Вдоль стен, на деревянных стеллажах, рядами стояли патефоны, от старых, с раструбами, до современных, с деревянными корпусами, покрытыми тёмным лаком. На полках лежали стопки пластинок в картонных конвертах, и я, взяв одну из них, прочитал название: «Jussi Björling — O helga natt».

«Это наш лучший тенор, — сказал хозяин, заметив мой интерес. — Юсси Бьёрлинг. В прошлом году король пожаловал ему звание придворного певца, а его записи разлетаются по всей Швеции, как горячие пирожки». Он достал пластинку из конверта, положил на диск патефона и опустил иглу. Из раструба полился голос, чистый, сильный, наполненный такой тоской и надеждой, что у меня перехватило дыхание.

«Это «Святая ночь», — сказал хозяин. — Его лучшая запись. Многие говорят, что после неё даже атеисты начинают верить в бога».

Я спросил, что ещё нового в шведской музыке, и хозяин, оживившись, начал рассказывать.

«В этом году вышло много пластинок с военными песнями. Например, «Svenska soldater» — «Шведские солдаты». Её поют все, от мала до велика, а ещё есть «Flickan vid Ån» — «Девушка у ручья». Это старая мелодия, но в новой аранжировке она звучит свежо».

Он достал ещё одну пластинку и поставил её. Мелодия была простой, даже наивной, но в ней было что-то трогательное, что-то, что напоминало о доме, о семье, о том, что даже в войне есть место для красоты.

Хозяин показал мне несколько патефонов: один старый, с раструбом, из тех, что были популярны в двадцатые годы, другой поменьше, в деревянном чемодане, который можно было брать с собой в поездки.

«Этот, — сказал он, указывая на третий, с блестящим никелированным диском, — самый новый. Фирма «AGA» выпустила его в прошлом году. Он лёгкий, компактный, и звук у него чище, чем у старых моделей».

Я спросил, сколько он стоит, и хозяин, подумав, назвал цену 150 крон. Я покачал головой: дорого. Он не стал спорить, только сказал: «Качество, барон, стоит денег. Но если хотите, могу предложить подержанный, за 80 крон. Работает как часы».

Я поблагодарил, но сказал, что пока не готов покупать, и хозяин, понимающе кивнув, продолжил свою экскурсию по миру шведской музыки. Он рассказал о джазовых оркестрах, которые играют в Стокгольме, о новых пластинках с танцевальной музыкой, которые молодёжь покупает, чтобы слушать на вечеринках, и о том, что даже в военное время люди не перестают любить песни.

«Знаете, барон, — сказал он, — когда я вижу, как молодые пары танцуют под мои пластинки, я забываю о войне. Музыка лечит. Она напоминает нам о том, что мы живы».

Я спросил, не боится ли он, что его магазин закроют из-за войны, и он, усмехнувшись, ответил: «Немцам сейчас не до музыки. Они заняты другим, а шведы всегда будут слушать музыку. Это наша традиция и душа».

Он достал ещё одну пластинку — «Vintern rasat ut» — и поставил её. Мелодия была грустной, но светлой, и я, слушая её, вдруг подумал о том, что через несколько дней я уеду в Германию, где не будет ни музыки, ни уюта, ни этих старых, добрых патефонов, которые пахнут деревом и лаком.

Я попрощался с хозяином, поблагодарил за рассказ и вышел на улицу. Снег падал крупными хлопьями, укрывая набережную белым саваном, и я, глядя на огни Стокгольма, которые отражались в чёрной воде пролива, подумал о том, что этот вечер, проведённый в маленьком магазине, среди пластинок и патефонов, был, возможно, последним спокойным вечером перед бурей, которая ждала меня впереди. Я закурил сигарету, и, чувствуя, как горький дым смешивается с морозным воздухом, пошёл домой, где меня ждали мать, ужин и тишина.

Подготовка к отъезду

Утро двадцатого февраля выдалось пасмурным, и я, войдя в кабинет Линдерота, застал его за разбором каких-то бумаг. Он поднял голову, отложил папку и жестом пригласил меня сесть.

«Энерот, — сказал он, — через два дня вы едете в Берлин. Ваша легенда — торговый агент SKF. Вы будете обсуждать поставки подшипников для немецкой промышленности. Это даст вам доступ к заводам и лабораториям, где может находиться Цузе».

Я кивнул и спросил, что я должен сказать Цузе, когда найду его. Линдерот задумался и ответил: «Сначала безопасность. Он должен знать, что если останется в Берлине, его либо убьют русские, либо посадят в тюрьму за работу на нацистов. Мы предлагаем ему Швецию: защиту, лабораторию, возможность спокойно работать над своими изобретениями».

Я спросил, а если он захочет денег. Линдерот усмехнулся: «Деньги это последнее, что ему нужно. Он инженер, он хочет создавать. Но если он спросит, назовите сумму 10 000 крон в год плюс оплата жилья и лаборатории. Это больше, чем он получает в Германии».

Я записал это в блокнот, но чувствовал, что этих аргументов недостаточно. Тогда Линдерот добавил: «Ещё признание, скажите ему, что в Швеции его имя будут знать. Что его машина Z4 станет основой для шведской вычислительной техники. Что его дети будут учиться в лучших университетах Европы, это то, чего у него никогда не будет в Германии».

Я спросил, а если он откажется? Линдерот пожал плечами: «Тогда вы должны убедить его, что другого выхода нет. Русские уже близко. Если он попадёт к ним, его компьютер станет оружием против нас. А мы этого не можем допустить». Он помолчал, потом добавил: «И ещё вы должны понять его. Поговорите с ним как инженер с инженером. Скажите, что вы восхищаетесь его работой. Что вы читали его статьи, что вы знаете, как работает его Z3. Это может помочь».

Я подумал и сказал, что мне нужно изучить продукцию SKF, чтобы не вызвать подозрений. Линдерот кивнул и протянул мне каталог.

«Этот каталог SKF за 1945 год, — сказал он. — Изучите его и запомните основные типы подшипников, их размеры, область применения. Если вас спросят, вы должны отвечать не задумываясь».

Я взял каталог и начал листать его, чувствуя, как от обилия цифр и чертежей начинает кружиться голова. Там были шарикоподшипники, роликовые, упорные, сферические, десятки типов, каждый со своими размерами и характеристиками.

Я нашёл раздел о подшипниках для авиации.

«Вот, — сказал я, показывая Линдероту, — это может пригодиться. Немцы используют наши подшипники в своих самолётах. Если я скажу, что SKF может увеличить поставки, это будет весомый аргумент».

Линдерот кивнул: «Хорошо, но не переигрывайте. Вы торговый агент, а не директор SKF. Ваша задача продавать, а не обещать».

Я продолжил изучать каталог, и вдруг наткнулся на подшипники для ракет.

«Смотрите, — сказал я, — они используют наши подшипники даже в V-2. Если я скажу Цузе, что мы можем помочь ему с поставками комплектующих для его компьютера, это может заинтересовать его».

Линдерот задумался: «А у SKF есть такие подшипники?»

Я ответил: «Да, в каталоге. Малые, высокоточные, для прецизионных механизмов. Это именно то, что нужно Цузе для его реле и роторов».

Линдерот усмехнулся: «Вы, Энерот, думаете как настоящий торговец и это хорошо. Но помните: главное не продать, а убедить. Цузе должен понять, что Швеция его единственный шанс на выживание».

Я спросил, а что, если Цузе захочет взять с собой свою машину? Линдерот ответил: «Мы вывезем её. У нас есть люди, есть транспорт. Но это будет сложно. Z4 весит тонну, она занимает целую комнату. Нужно будет разобрать её на части, упаковать и перевезти через границу. Это рискованно, но возможно».

Я спросил, сколько времени это займёт, и Линдерот, подумав, сказал: «Если всё пойдёт гладко, две недели. Если нет месяц. Но вы должны быть готовы к любому развитию событий».

Я спросил, а если Цузе откажется ехать? Линдерот пожал плечами: «Тогда мы должны будем вывезти его силой. Но это крайний случай. Лучше убедить его добровольно. Для этого вы и нужны».

Я кивнул, чувствуя, как от этого разговора внутри нарастает напряжение. Линдерот, заметив моё состояние, сказал: «Не переживайте, Энерот. Вы справитесь. Вы уже доказали, что умеете убеждать. Вспомните коммунистов. Вы заставили их отказаться от забастовки. С одним инженером вы тоже справитесь».

Я улыбнулся и сказал, что мне нужно ещё изучить каталог. Линдерот кивнул и, достав из сейфа ещё несколько папок, сказал: «Вот документы о поставках SKF в Германию. Изучите их. Узнайте, кто ваши конкуренты, кто заказчики, какие цены. Вы должны выглядеть как профессионал».

Я взял папки и, чувствуя, как от их тяжести у меня заныли руки, подумал о том, что эта подготовка, возможно, важнее самой поездки. Потому что если я сделаю ошибку, меня не просто вышлют из Германии, меня могут арестовать, и тогда ни Цузе, ни его компьютер, ни шведские ракеты уже не будут иметь значения.

Линдерот, глядя на меня, сказал: «И ещё, Энерот. Не забывайте, что вы не один. У вас есть связные. Если что-то пойдёт не так, вы всегда сможете обратиться к ним. Но помните: они тоже рискуют. Не подставляйте их».

Я кивнул и, взяв каталог и папки, пошёл к себе в кабинет, где до самого вечера изучал подшипники, цены и конкурентов, чувствуя, как от этой информации голова идёт кругом, но где-то внутри крепнет уверенность, что я смогу, и я вернусь.

Вечером 20 февраля, выйдя от Линдерота после долгого разговора о подшипниках и легенде для поездки в Германию, я чувствовал, как голова гудит от цифр, чертежей и названий типов подшипников, которые мне пришлось выучить за день. Вместо того чтобы ехать домой, я решил пройтись пешком, чтобы развеяться, и, завернув за угол Стрёмгата, наткнулся на маленький продуктовый магазинчик, где витрина светилась тёплым жёлтым светом, а на прилавке лежали свежие булочки с корицей и крендели, посыпанные сахаром. Я зашёл внутрь, купил булочку (35 эре) и крендель (50 эре), и, жуя их на ходу, почувствовал, как от этой простой, сладкой радости на душе стало немного теплее. Снег падал крупными хлопьями, укрывая набережную белым саваном, и я, глядя на огни Стокгольма, которые отражались в чёрной воде пролива, подумал о том, что эти булочки, возможно, последнее шведское лакомство, которое я попробую перед отъездом в чужую, враждебную страну.

Я пришёл домой, когда мать уже накрывала на стол, и в столовой пахло жареной свининой и тушёной капустой. Мы сели ужинать, и я, чувствуя, как усталость прошедших дней отпускает тело, с аппетитом накладывал себе добавку. Мать, как всегда, была в своём тёмно-синем платье с высоким воротником, с волосами, уложенными в строгую причёску, и лицом, которое редко освещала улыбка.

«Карл, — сказала она, пододвигая мне тарелку с мясом, — ты сегодня какой-то задумчивый. Что случилось?»

Я ответил, что устал, что много работы, и что скоро мне, возможно, придётся уехать в командировку. Она не стала спрашивать куда, только вздохнула и сказала: «Будь осторожен, сын. Война ещё не кончилась».

После ужина я поднялся к себе в комнату, зажёл настольную лампу и, достав из шкафа модель линейного корабля «Крунун», поставил её на стол. Я заметил, что одна из вант порвалась, и, достав из ящика моток ниток и иголку, принялся за починку. Пальцы мои, привыкшие к пистолету и рулю, сейчас, казалось, обрели другую, более тонкую чувствительность, и я, продевая нитку в игольное ушко, чувствовал, как успокаивается сердце, как мысли о Берлине, о Цузе, о подшипниках отступают на задний план. «Крунун» был для меня не просто кораблём, а символом той Швеции, которая когда-то господствовала на Балтике и которую я, возможно, когда-нибудь верну. Я завязал узел, подрезал лишние нитки и, поднеся модель к лампе, осмотрел её со всех сторон.

Я вышел в коридор, прибавил громкость и узнал, что в Гётеборг, на военно-морскую базу, вчера прибыли два корабля, которые Швеция выкупила у Великобритании и включила в состав своего флота. Диктор взволнованно сообщал, что это авианосец «Колоссус», переименованный в HSwMS Göta Lejon («Гёта Лейон», названный в честь древнего шведского королевства), и крейсер «Нигерия», получивший новое имя HSwMS Kalmar («Кальмар», в честь исторической Кальмарской унии, объединявшей Скандинавию). Оба корабля были укомплектованы шведскими экипажами, которые прошли интенсивную подготовку в Англии под руководством британских инструкторов.

Диктор сказал, что это событие, знак укрепления шведско-британского сотрудничества и что корабли будут базироваться в Гётеборге, прикрывая северные морские пути. Я вспомнил, что эти корабли мы обсуждали с Биргиттой в Лондоне, когда торговались с англичанами о цене. Тогда они назывались иначе, и их будущее было туманным, а теперь они стояли на шведских рейдах, под шведским флагом, с матросами, говорящими по-шведски. Я подумал, что наша поездка не прошла даром, и что эти корабли, Göta Lejon и Kalmar, станут основой океанской эскадры, о которой мечтал крестный.

Я вернулся в комнату, сел на кровать и, глядя на модель «Крунун», которая стояла на столе, подумал о том, что эта старая шведская мощь, воплощённая в дереве и нитках, сейчас, в 1945 году, возрождается в новых кораблях, в новых технологиях, в новых людях, которые готовы рисковать своей жизнью ради будущего страны.

Я лёг в кровать, выключил лампу и, чувствуя, как от этого вечера, от этой тишины, от этих мыслей становится тепло на душе, закрыл глаза и провалился в сон, в котором не было ни подшипников, ни легенд, ни опасных миссий, а был только «Крунун», плывущий по Балтике под шведским флагом, и я, стоящий на его палубе, смотрю вдаль, где занимается рассвет.

Последние приготовления

Утро двадцать первого февраля я начал с того, что снова пришёл к Линдероту, где меня уже ждал майор Бергман - тот самый специалист по легендам, который учил меня быть немцем. Мы прошли в ту же комнату, что и вчера, и он, разложив на столе карту Германии, сказал: «Сегодня будем отрабатывать поведение в экстремальных ситуациях. Представьте, что вас остановили на улице, потребовали документы, а вы случайно ответили по-шведски. Ваши действия?»

Я задумался, и Бергман, не дожидаясь ответа, начал объяснять: «Первое не паниковать. Второе извиниться и сказать, что вы из Северной Швеции, где говорят с акцентом. Третье показать документы и спросить, не нарушили ли вы чего. Немцы педантичны, они любят, когда им задают вопросы».

Мы отрепетировали этот сценарий несколько раз, и Бергман, удовлетворённый, сказал: «Хорошо. Теперь расскажу как вести себя за немецким столом».

Он показал, как правильно держать нож и вилку, чтобы не выдать себя (в Германии вилку держат в левой руке, а нож в правой, и не переключаются), как пить пиво (никогда не отставляя мизинец), как закуривать сигарету (не щёлкая зажигалкой, а спичкой, которую нужно задуть).

«И ещё, — добавил он, — никогда не говорите «Heil Hitler», если вас не вынудят. Просто «Guten Tag» или «Auf Wiedersehen». Если кто-то скажет «Heil Hitler», кивните и ответьте «Guten Tag». Это будет выглядеть как вежливость, но не как поддержка режима».

Я запомнил, и мы продолжили. Бергман рассказал, как одеваться (костюм должен быть не слишком новым, чтобы не привлекать внимания, но и не слишком старым, чтобы не вызвать подозрений), как носить портфель (в левой руке, чтобы правая была свободна для приветствия) и как ходить (не слишком быстро, чтобы не казаться нервным, и не слишком медленно, чтобы не выглядеть подозрительным).

После Бергмана в комнату вошёл оружейник — невысокий, плотный мужчина с седыми усами и руками, навсегда испачканными маслом. Он разложил на столе несколько пистолетов и сказал: «Лейтенант, выбирайте».

Я взял в руки Walther PPK — маленький, лёгкий, с рукояткой из дюралюминия, который, как объяснил оружейник, был разработан специально для офицеров и агентов, которым нужна была скрытность.

«Этот пистолет, — сказал он, — весит всего 570 граммов, калибр 7,65 мм, магазин на 7 патронов. Он почти не заметен под пиджаком, и его можно носить в кармане плаща. Главное не забыть выключить предохранитель».

Я взял оружие, взвесил его в руке, и оружейник, показав, как его разбирать и чистить, добавил: «Вот вам две обоймы запасных, и ещё ампулы с цианидом. На случай, если вас схватят».

Я посмотрел на маленькие стеклянные ампулы, которые он положил в кожаную сумочку, и почувствовал, как внутри всё похолодело.

«Не дай бог вам ими воспользоваться, — сказал оружейник, заметив моё состояние. — Но они должны быть, это не для победы, это для того, чтобы не дать себя пытать».

Я спрятал ампулы в карман, а пистолет в кобуру, которую оружейник прикрепил к поясу.

«И ещё, — добавил он, — вот вам запасной магазин и патроны. Всего двадцать один патрон, надеюсь, вам не придётся их использовать».

Я поблагодарил его, и оружейник, собрав свои инструменты, вышел.

Линдерот, который всё это время сидел в углу, наблюдая за подготовкой, встал и, подойдя к карте, сказал: «Теперь о главном. Когда вы найдёте Цузе, вы должны объяснить ему, что его единственный шанс для него, это Швеция. Мы предлагаем ему безопасность, лабораторию,

возможность работать над своими изобретениями. Деньги 10 000 крон в год плюс оплата жилья и лаборатории и признание. Скажите ему, что его имя будет знать вся Швеция. Что его компьютер Z4 станет основой для шведской вычислительной техники. Его дети будут учиться в лучших университетах Европы, это то, чего у него никогда не будет в Германии».

Я спросил, а если он откажется, и Линдерот, помолчав, ответил: «Тогда вы должны убедить его, что другого выхода нет. Русские уже близко. Если он попадёт к ним, его компьютер станет оружием против нас, а мы этого не можем допустить». Я спросил, как мы будем вывозить его и машину, и Линдерот, развернув карту, показал маршрут: «Через Данию, в Любек, а оттуда морем в Швецию. У нас есть люди, есть транспорт. Но это будет сложно. Z4 весит тонну, она занимает целую комнату. Нужно будет разобрать её на части, упаковать и перевезти через границу. Это рискованно, но возможно».

Я спросил, сколько времени это займёт, и Линдерот, подумав, сказал: «Если всё пойдёт гладко то две недели. Если нет то месяц. Но вы должны быть готовы к любому развитию событий».

Я спросил, а как же соляные шахты в Альтаусзее, где спрятана картина? Линдерот усмехнулся: «Это уже не ваша забота, Энерот. Вы своё дело сделали, нашли, где она. Теперь этим займутся другие, а ваша задача Цузе и его компьютер».

Я кивнул, и Линдерот, достав из сейфа папку с документами, сказал: «Вот ваши новые документы изучите их сегодня вечером. Завтра выезжаете».

После обеда я вернулся в кабинет Линдерота, и он, жестом пригласив меня сесть, сказал: «Энерот, сейчас я познакомлю вас с людьми, которые будут работать в Австрии. Они поедут в шахты Альтаусзее, чтобы вывезти оттуда картины и, возможно, другие ценности. Вы должны рассказать им всё, что знаете».

Он нажал кнопку звонка, и в комнату вошли четверо. Первым был капитан Эрикссон, тот самый, с которым я летал в Копенгаген, высокий, сутулый, в чёрном берете и кожаной куртке. Вторым лейтенант Лундберг, снайпер, с лицом, которое трудно было запомнить, и глазами, которые трудно было забыть. Третьим сержант Пер Свенссон, радист, с рацией на ремне, а четвёртой была женщина.

Она вошла последней, и я, глядя на неё, почувствовал, как внутри шевельнулось что-то, похожее на восхищение, смешанное с тревогой. Ей было лет двадцать пять, не больше, и она была одета в тёмно-синий костюм, который сидел на ней так, будто был шит специально для неё. Волосы её, русые с пепельным отливом, были уложены в строгую причёску, и единственным украшением служила маленькая брошь из платины и сапфиров на воротнике.

«Это фру Элин Линд, — сказал Линдерот. — Она будет нашей связной в Австрии. Владеет немецким, английским и французским. Кроме того, она опытная альпинистка и специалист по взрывчатке».

Я удивился, но виду не подал, только кивнул и сказал: «Приятно познакомиться».

Линдерот жестом пригласил всех сесть, и я, подойдя к карте, разложенной на столе, начал инструктаж.

«Соляные шахты Альтаусзее находятся в Австрии, в горах, недалеко от Зальцбурга, — сказал я, показывая на карту. — Они представляют собой систему подземных туннелей, где нацисты прятали награбленные произведения искусства. Входы замаскированы, и, вероятно, охраняются, но немцы уже начали оттуда уходить, так что сопротивление, скорее всего, будет слабым».

Я рассказал, что картина «Дама под вуалью» работы Александра Рослина, которую мы ищем, находится в списке конфискованных произведений под номером 47, и что, по данным разведки, она лежит в одном из туннелей, в ящике с пометкой «Roslin, A.».

Фру Линд, которая слушала внимательно, спросила: «А что, если картина не одна? Если там будут и другие полотна?»

Я ответил, что если они найдут другие шведские картины, их тоже нужно вывезти.

«Но главное «Дама под вуалью», — сказал я. — Она ключ к Померании и к ракетному полигону на острове Рюген».

Я рассказал о том, что эта картина может стать юридическим доказательством прав Швеции на территории, которые были потеряны в 1814 году, и что без неё все наши планы могут рухнуть. Капитан Эриксон, который до этого молчал, спросил: «А если мы встретим сопротивление?»

Я ответил: «Тогда действуйте по обстановке. Ваша задача вывезти картину, а не воевать. Если немцы будут стрелять, вы имеете право открыть ответный огонь? но о постарайтесь избежать жертв».

Я спросил, есть ли у них план эвакуации, и капитан Эриксон, развернув карту, показал маршрут: «Мы войдём через заброшенный туннель, который наши агенты обнаружили в прошлом месяце. Он ведёт в центральную часть шахты, где хранятся самые ценные экспонаты. Оттуда пешком, через горы, до швейцарской границы. Там нас встретят и переправят в Швецию».

Я спросил, сколько времени это займёт, и он ответил: «Два дня, если повезёт, неделя, если нет».

Фру Линд добавила: «Мы возьмём с собой альпинистское снаряжение: верёвки, крючья, ледорубы. В горах сейчас холодно, и нужно быть готовыми к снегопадам». Я кивнул и спросил, есть ли у них радиосвязь.

Лейтенант Лундберг, который всё это время молчал, вдруг сказал: «У нас есть рация, но она работает только на коротких волнах. Дальность не больше пятидесяти километров. В горах связь будет плохой, так что, скорее всего, мы будем действовать вслепую».

Я спросил, а если они попадут в засаду, и капитан Эриксон, усмехнувшись, сказал: «Тогда будем отстреливаться, у нас есть автоматы, гранаты, а фру Линд мастер по взрывчатке, она сможет завалить туннель за собой».

Я посмотрел на неё, и она, заметив мой взгляд, улыбнулась: «Не бойтесь, лейтенант. Мы справимся, я уже делала такое в Норвегии».

Я спросил, что они будут делать, если найдут не только картины, но и другие ценности: золото, документы, секретные бумаги.

Линдерот, который до этого молчал, сказал: «Документы и бумаги вывозите в первую очередь. Золото если будет время. Но главное картина. Не рискуйте жизнью ради золота».

Капитан Эриксон кивнул и сказал: «Понял, полковник. Картина приоритет».

Фру Линд, поправив причёску, добавила: «Я бы хотела ещё раз взглянуть на список картин. Может быть, там есть и другие шведские произведения».

Я протянул ей копию списка, которую сделал в Лондоне, и она, пробежав глазами, сказала: «Здесь есть ещё два полотна Рослина. Если они там, мы их тоже заберём».

Я спросил, есть ли у них вопросы, и капитан Эриксон, подумав, сказал: «Да. Как мы узнаем, что картина настоящая? Вдруг подделка?»

Я ответил: «На обороте холста есть пометка: «Roslin, 1768, Paris». И ещё, на подрамнике вырезаны инициалы художника. Это должно быть».

Фру Линд кивнула и сказала: «Хорошо. Мы будем внимательны».

Линдерот, глядя на них, сказал: «Выезжаете завтра утром. Самолёт до Цюриха, оттуда поездом до Зальцбурга. Всё, что узнаете, докладывайте через связных и помните, если вас схватят, мы вас не знаем. Ни Швеция, ни я, никто».

Капитан Эриксон, лейтенант Лундберг, сержант Свенссон и фру Линд поднялись и, попрощавшись, вышли.

Я остался в кабинете один, глядя на карту, где красными флажками были отмечены шахты Альтаусзее. Я думал о том, что эти люди, которые сейчас ушли, рискуют своими жиз-

нями ради картины, которую я, возможно, никогда не увижу и что, если они провалятся, моя миссия в Германии может потерять смысл. Линдерот, заметив моё состояние, сказал: «Не переживайте, Энерот. Они профессионалы. Они справятся, а вы готовьтесь к своей поездке. Завтра выезжаете».

Я кивнул и, чувствуя, как от этих слов внутри закипает холодная, тяжёлая решимость, вышел из кабинета, оставляя за собой запах табака и старых карт.

Вечером двадцать первого февраля, когда Гётеборг уже успокоился после торжественной встречи авианосца и крейсера, Карл вернулся домой. В гостиной его дома, где пахло мамиными пирогами и старой мебелью, его уже ждал Торбьёрн Ульфссон — инженер-строитель, старый друг, с которым они вместе начинали ещё в молодёжной организации технической интеллигенции. Торбьёрн был высок, худощав, с вечно взлохмаченными русыми волосами и пальцами, испачканными чернилами и тушью. Он сидел на диване, листал какой-то технический журнал ипил кофе с булочками.

«Ну, показывай, что привёз из Лондона, — сказал Торбьёрн, откладывая журнал. — Биргитта мне уже на уши поставила, рассказывая про твои трости-шпаги и ножи коммандос. Но я слышал, ты привёз и что-то более мирное».

Карл улыбнулся, подошёл к книжному шкафу и с верхней полки, где стояли собрания сочинений Шекспира и старый морской атлас, аккуратно снял модель парусного фрегата, ту самую, купленную в Гринвиче у старых моряков за три фунта. Он поставил её на журнальный столик, и Торбьёрн, забыв про кофе, склонился над ней, как ювелир над драгоценностью.

Торбьёрн взял модель в руки, повертел, заглянул под палубу, пощупал такелаж.

«Карл, это же... это работа мастера, — сказал он тихо, почти благоговейно. — Смотри, как подогнаны рейки, как выточены блоки, как натянуты ванты, это не сувенир, а маленькое чудо. Где ты такое нашёл?»

Карл рассказал про лавку у Гринвичского госпиталя, про старика с узловатыми пальцами, который делал эти модели для души, а продавал, чтобы прокормить семью в военное время.

«Англичане, — добавил Карл, — они странные. Умеют воевать, умеют страдать, умеют создавать красоту, но почему-то никогда не учатся её ценить».

Модель заняла почётное место на верхней полке книжного шкафа, рядом с морским атласом и штурманской картой звёздного неба, купленной на Поробелло-руд. Торбьёрн, отступив на шаг, прищурился и сказал: «Теперь у тебя в кабинете есть якорь. Не буквально, конечно, но это фокус. Центр притяжения. Глядя на такой корабль, хочется строить что-то большое. Настоящее. На века».

Карл кивнул, вспомнив, как сам, стоя на мостике «Nigeria», представлял этот крейсер под шведским флагом.

«Ты прав, Торбьёрн. Модель, всего лишь мечта, а мечта начало любого великого дела».

Торбьёрн, оторвавшись от созерцания фрегата, вдруг посерьёзней. «Карл, я давно хотел с тобой поговорить. Моё архитектурное бюро... оно работает уже две недели, но всё как-то на энтузиазме, на честном слове, а война кончается. Начинается мир и я хочу, чтобы мир был красивым. Не серым, не унылым, не таким, как эти английские фабричные города, где люди живут в бараках и едят фасоль на завтрак».

Он замолчал, подбирая слова. Карл налил ему ещё кофе и сел напротив.

«Я хочу назвать бюро "Ульфссон & Ко", — продолжал Торбьёрн, — но это слишком казённо. Скучно. Без души. Может быть, "Скандинавский строительный дом"? Или "Архитектура будущего"?»

Карл усмехнулся: «Название это важно, но не главное. Главное что ты будешь строить и как. Ты же не хочешь копировать немцев или англичан? У нас, шведов, есть свой путь. Функциональность, простота, свет. Наши дома должны быть удобными, но не безликими, красивыми, но не вычурными».

Торбьёрн задумался и произнес: «Я хочу строить жилые кварталы, где у каждой квартиры будет окно на солнечную сторону. Детские сады во дворах, чтобы мамы могли работать, а дети не болтались под колёсами машин. Школы с большими спортзалами, потому что здоровое поколение, это сильная Швеция. Больницы с палатами на одного-двух человек, а не на сорок, как сейчас в старых бараках и парки, много парков. Деревья, газоны, фонтаны. Чтобы человек, выходя из дома, попадал не в бетонные джунгли, а в оазис».

Карл кивнул, вспомнив Лондон, серый, закопчённый, разбомблённый, где даже на Пикадилли не было зелени.

«Ты прав, Торбьёрн. После войны люди будут хотеть не просто крыши над головой. Они будут хотеть жизни. Качественной, достойной, человеческой и если ты построишь такие дома, если твои кварталы станут образцом для всей Европы, то Стокгольм... Стокгольм станет не просто столицей Швеции. Он станет символом. Символом того, что мир может быть лучше, чем был до войны».

Торбьёрн, воодушевлённый, встал и начал ходить по комнате: «Я уже придумал проект для северной части Юргордена. Там, где сейчас пустыри и старые склады. Построим жилой комплекс с внутренним двором, с финской сауной в подвале, с мастерскими на первом этаже, для художников, для ремесленников. Чтобы люди не только спали там, но и работали, и творили, а фасады из светлого кирпича и дерева. Тепло, уютно, по-шведски».

Карл улыбнулся, представив этот проект, и подумал, что Торбьёрн, наверное, прав, после войны люди захотят не просто бетонных коробок, а домов с душой.

«А в Гётеборге, — продолжал Торбьёрн, — я хочу построить новый портовый район. Не склады и ангары, а целый микрорайон для моряков и их семей. С видом на море, с набережной, с кафе и ресторанами, с парком, где можно гулять в воскресенье. Чтобы человек, уходя в рейс, знал, что его семья живёт не в бараке, а в красивом доме. Чтобы, возвращаясь из плавания, он видел не трущобы, а архитектуру, которая радует глаз».

Карл вспомнил Гётеборг — серый, продуваемый всеми ветрами, с его старыми фабричными кварталами и узкими улочками: «Такой проект изменит не только город, Торбьёрн. Он изменит людей. Они станут другими, более уверенными, более гордыми. Потому что дом это не просто стены, а личность».

Торбьёрн, вдохновлённый поддержкой друга, сел обратно на диван и взял блокнот.

«Значит, решено. Бюро будет называться "**Nordisk Byggnadskonst**" — "Северное строительное искусство". Коротко, ясно, с достоинством. И мы построим такие здания, которые будут стоять века. Не как эти английские бараки, которые разваливаются через двадцать лет, а как наши шведские церкви, из камня и дерева, с душой и историей».

Карл протянул ему руку, и они обменялись крепким, мужским рукопожатием, скрепив этим жестом не только дружбу, но и общее дело.

Пока Торбьёрн, увлечённый, набрасывал в блокноте эскизы будущих кварталов, Карл отошёл к столу и начал собираться к завтрашней поездке. На столе уже лежала карта, та самая, арктическая, купленная на Поробелло-роуд, с пометками штурмана, который уже никогда не вернётся в свой порт. Рядом блокнот с записями, вырванная страница из лондонского архива, список контактов в Швейцарии.

«Что это у тебя? — спросил Торбьёрн, отрываясь от чертежей. — Опять какая-то авантюра?»

Карл не ответил, только улыбнулся загадочно, свернул карту в трубку и убрал её в кожаный портфель. Завтра будет непонятно, что пригодиться.

Поезд до Берлина

Утро двадцать второго февраля выдалось морозным и ясным, солнце, низкое и бледное, только-только поднималось над крышами Стокгольма, когда Карл вышел из дома с небольшим саквояжем в руке. В кармане лежал билет до Берлина, та командировка, о которой даже полковник Линдман знал лишь в общих чертах. Карл не любил поезда, но сегодня предвкушал дорогу с особым чувством: вчерашние сборы, карта, спрятанная в портфеле, и странное волнение, которое он испытывал перед каждой поездкой на юг.

Центральный вокзал Стокгольма был полон народу: солдаты, офицеры, женщины с детьми, грузчики с тележками. Карл купил газету, зашёл в свой вагон, нашёл купе и уже хотел устроиться поудобнее, как дверь открылась и вошла она. Высокая, стройная, в дорожном костюме тёмно-синего цвета, с маленькой шляпкой, надвинутой на лоб, и ярко-красной помадой, которая выделялась на её бледном лице, как капля крови на снегу. Карл узнал её сразу — Ева Линд, шведская диверсантка, о которой ходили легенды в Генеральном штабе.

«Господин Энерот, — сказала она, ставя свой саквояж на полку. — Какая неожиданная встреча. Вы тоже едете в Берлин?»

Карл кивнул, не скрывая удивления. «Да, по делам. А вы?»

Она улыбнулась той улыбкой, которая, как он слышал, заставляла немецких офицеров терять голову. «Тоже по делам. Очень личным».

Поезд тронулся, и они остались вдвоём в купе, двое шведов, едущих в разрушенный Берлин в конце войны, когда каждый второй пассажир в этом поезде был либо авантюристом, либо шпионом.

Поезд шёл на юг, и за окном медленно проплывали заснеженные поля, леса, маленькие станции с табличками, на которых были написаны названия, ничего не говорившие Карлу. Первой крупной остановкой был Линчёпинг — старый город в провинции Эстергётланд, известный своим кафедральным собором и авиационным заводом, где делали истребители. Но сегодня Карла интересовало другое: на станции, выстроившись в длинные колонны, грузилась на транспорты 7-я пехотная дивизия, солдаты в серых шинелях, с винтовками за спиной, касками на головах и усталыми лицами.

«Наша дивизия, — сказала Ева, глядя в окно. — Их перебрасывают в Данию. Слышали?»

Карл кивнул, он слышал и видел приказы в Генеральном штабе. Но говорить об этом не хотел.

«Куда-то их перебазировывают в очередной раз» — сказал он вместо этого.

Ева усмехнулась и ответила: «Нет, просто война у нас, шведов, она идёт не на фронтах, а в тылу, но от этого не легче».

Карл посмотрел на неё, на её красивый, но жёсткий профиль, на руки, которые держали сумочку так, будто в ней был пистолет и подумал, что она права.

Поезд пошёл дальше, и через час за окном показались леса и холмы провинции Смоланд — суровой, каменистой земли, где шведы веками добывали железную руду и растили упрямых, молчаливых людей. В Йёнчёпинге, городе на южном берегу озера Веттерн, где когда-то родилась знаменитая спичечная промышленность, Карл увидел на дорогах колонны 4-й дивизии. Солдаты шли пешком, автомашины были заняты под тяжёлое вооружение, и их лица были красными от мороза и усталости.

«Четвёртая, — сказал Карл, вспомнив карту, которую видел в штабе. — Их отправляют на юг, к границе с Германией. Говорят, они самые боеспособные».

Ева кивнула, не отрывая глаз от окна: «Мой брат служит в четвёртой. Лейтенант. Мы с ним не виделись два года».

Карл хотел спросить, почему, но не стал. Такие вопросы задавать не принято, особенно диверсанткам, у которых каждый разговор мог стоить жизни.

К вечеру поезд подошёл к Мальмё — последнему крупному городу перед паромом. Здесь было шумно и людно: солдаты, беженцы, торговцы, женщины с детьми, все куда-то спешили, что-то кричали, размахивали бумагами. Карл и Ева вышли на перрон, купили кофе и бутерброды, сыр, хлеб, масло и сели на скамейку, наблюдая за суетой.

«Вы когда-нибудь были в Берлине?» — спросила Ева, откусывая бутерброд.

«Нет, — ответил Карл. — А вы?»

«Да, — сказала она. — До войны. Там было красиво. Не то что сейчас».

Паром до Копенгагена — железнодорожный, огромный, с рельсами на палубе и запахом соли и угля отходил в восемь вечера. Карл и Ева поднялись на борт, нашли свои места в пассажирском салоне и устроились у иллюминатора. Паром назывался «Королевская линия» — Königslinie, и ходил здесь с 1909 года, соединяя Швецию с Германией даже во время войн. Сейчас, в феврале 1945-го, он был последней ниточкой, связывающей нейтральный Скандинавский полуостров с гибнущей империей.

Паром отчалил, и Мальмё медленно поплыл назад, тая в сумерках. Карл и Ева сидели в салоне, пили кофе, жидкий, горький, но горячий, и разговаривали о пустяках: о погоде, о книгах, о том, что после войны они хотели бы поехать в Париж.

«Я была там в сороковом, — сказала Ева. — За месяц до того, как немцы вошли. Город был красивым и спокойным, а через месяц пустым и страшным». Карл слушал её голос, низкий, чуть хриловатый, и думал о том, что эта женщина видела больше, чем он за всю свою жизнь.

Около десяти вечера они вышли на палубу. Ночь была холодной, звёздной, и море вокруг чернело, как масло. Вдали, на юго-востоке, горели огни, может быть, немецкий берег, может быть, рыбацкие лодки. Ева стояла у поручней, и ветер трепал её волосы, выбившиеся из-под шляпки.

«Карл, — сказала она вдруг, — вы когда-нибудь рисковали жизнью? Не на службе, а по настоящему?»

Карл задумался. «Нет, — ответил он честно. — А вы?» Она повернулась к нему, и в её глазах блеснули огни далёкого берега.

«Каждый день, — сказала она. — Каждый день, с сорок первого».

Она рассказала ему о себе, не всё, конечно, но достаточно, чтобы Карл понял, кто сидит перед ним. Ева Линд была не просто диверсанткой. Она была шведкой, которая воевала в Норвегии, потом в Дании, потом в Германии, под чужими именами, с чужими документами, с чужими лицами.

«Я научилась быть разной, — говорила она, глядя на воду. — Иногда я сама не помню, кто я на самом деле, но это не важно. Важно, чтобы враги не помнили тоже».

Карл спросил, страшно ли ей. «Страшно, — ответила она. — Но страх — это топливо, без него не сгоришь».

В Копенгаген они прибыли около полуночи. Датская столица спала, затемнённая, тихая, с редкими патрулями на улицах и немецкими солдатами у вокзала. Карл и Ева перешли на другой перрон, где уже стоял поезд до Киля — старый, обшарпанный, с вагонами, которые помнили ещё Первую мировую. Внутри пахло углём, капустой и страхом. Другие пассажиры, человек десять, все в штатском, все молчаливые сидели, уткнувшись в газеты или закрыв глаза. Карл заметил среди них троих шведов, которых видел раньше в Генеральном штабе. Вся группа была здесь.

Ева, уставшая после долгого дня, прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза. Карл смотрел на неё, на её красивое лицо, на красную помаду, которая даже ночью не стёрлась, на руки, сложенные на коленях, и думал о том, что эта женщина, такая хрупкая и одновременно такая сильная, могла бы быть его спутницей не только в этой поездке. Но он не сказал ей об

этом. Потому что такие вещи не говорят диверсанткам и потому что у него уже была Астрид другая, не менее сильная, но совсем иная.

Ночью, когда поезд тащился через заснеженные поля Гольштейна, Карл проснулся от толчка. За окном, в свете луны, он увидел колонну солдат 1-й пехотной дивизии шведов, которая маршировала на запад к границе с Германией. Солдаты шли молча, сгорбившись, с винтовками на плечах, и их лица были серыми, как февральское небо. Карл смотрел на них и думал о том, что эти люди, такие же, как другие шведские солдаты в Линчёпинге и Йёнчёпинге, идут выполнить свой долг перед королем.

Ева тоже проснулась. Она посмотрела в окно, потом на Карла и сказала: «Первый раз видите?»

Карл кивнул. «Я видела это сотни раз, — сказала она. — В Норвегии, в Дании, в Германии. Всегда одно и то же: солдаты, дорога, темнота и никого, кто бы спросил, хотят ли они этого».

Карл спросил, хочет ли она этого. «Нет, — ответила она. — Но я хочу, чтобы это кончилось. Любой ценой».

Она снова закрыла глаза, и Карл остался один у окна, глядя на мелькающие за стеклом колонны, на чёрные силуэты деревьев, на далёкие огни деревень, которые ещё не знали, что завтра их займут русские.

Перед рассветом Ева вдруг взяла Карла за руку. Её пальцы были холодными, но сильными.

«Карл, — сказала она тихо, так, чтобы никто не слышал. — Вы мне нравитесь. Вы не такой, как другие. В вас есть... что-то. Что-то, что я потеряла давно. Может быть, верю или надеюсь, не знаю».

Она помолчала, потом убрала руку. «Но не думайте об этом. У нас разные дороги и разная смерть».

Карл хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Только смотрел на неё — на её профиль, освещённый луной, на её губы, которые ещё хранили следы красной помады, и думал о том, что война заканчивается, но для таких, как Ева, она никогда не кончится.

Фленсбург

На рассвете, 23 февраля, в пятницу, поезд подходил к Фленсбургу. Город, когда-то гордость германского флота, лежал в руинах — серых, дымящихся, унылых, и только портовые краны торчали из-под обломков, как скелеты вымерших животных. Карл вышел из вагона, попрощался с Евой, которая осталась в поезде, ей нужно было дальше на юг, в Баварию, к каким-то своим контактам, и зашагал по перрону, вдыхая холодный, пахнущий гарью и морем воздух.

Фленсбург был последним немецким городом перед датской границей, и здесь, в этом портовом узле, его отец, генерал-майор Карл Энерот-старший, командовал всей Южной армейской группировкой. Старый вояка, когда-то водивший эсминцы, а теперь руководивший сухопутными силами, был отправлен сюда ещё осенью с приказом любой ценой прикрыть датско-немецкий стык и он делал своё дело хладнокровно и умело: день за днём принимал маршевые роты из Швеции, распределял пополнение по дивизиям, следил за разгрузкой тяжёлых орудий и танков «Черчилль», прибывавших из Англии, и лично объезжал позиции, превращая разрозненные части в единый, хорошо смазанный механизм сдерживания.

Карл поднялся по лестнице в скромную квартиру на окраине, неофициальную ставку отца, где тот отдыхал от штабной суеты. Дверь открыл высокий, седой мужчина с живыми голубыми глазами и лицом, изрезанным морщинами, как старая морская карта. На отце была простая домашняя куртка без генеральских регалий, но усталость в глазах выдавала человека, который последние месяцы спал по четыре часа в сутки, вживаясь в роль командующего самой мощной шведской группировкой, развёрнутой за пределами родины за последние сто лет.

«Карл, — сказал он, не скрывая удивления, но и без лишних эмоций. — Заходи. Только тихо, у меня там немцы в гостинной, делаем вид, что ничего не происходит».

«Карл, — сказал отец, не скрывая удивления. — Ты что, с неба свалился? Заходи, заходи, у меня как раз гости».

Карл вошёл и увидел за столом двух немецких офицеров, пожилого полковника с моноклем и молодого лейтенанта с нашивками, которые он не смог опознать. Они играли в скат — немецкую карточную игру, которую отец любил за её сложность.

Отец представил его: «Мой сын. Карл, это герр полковник фон Рихтхофен, дальний родственник того самого лётчика, а это герр лейтенант Мюллер, инженер из Киля».

Карл вежливо кивнул, сел в кресло у окна и принялся наблюдать за игрой. Немцы, видно, жили здесь давно, они чувствовали себя почти как дома, пили шведский кофе, который отец получал через знакомых в Копенгагене, и курили сигары, пахнущие дорогим табаком. Отец выигрывал, он всегда выигрывал, и немцы, проигрывая, только посмеивались и разводили руками.

Карл, которому нечем было заняться, пока отец заканчивал партию, достал портсигар, тот самый, серебряный, с гравировкой «**To Major J. Smith, from his comrades in the BEF. France, 1940**», и закурил. Лейтенант Мюллер, инженер из Киля, вдруг побледнел, уставившись на портсигар.

«Господин Энерот, — сказал он дрогнувшим голосом. — Откуда у вас эта вещь?»

Карл рассказал про лондонский рынок, про продавца без ноги, который отдал портсигар бесплатно, потому что «некуда класть сигары». Мюллер взял портсигар в руки, перевернул, прочитал гравировку и тихо сказал: «Это портсигар моего брата. Майора Юргена Мюллера. Он пропал под Дюнкерком в сороковом. Мы считали его погибшим».

Карл и отец переглянулись. Мюллер, не отрывая глаз от портсигара, начал рассказывать: его брат служил в Британском экспедиционном корпусе, да, немец в британской армии, такое бывало, старые эмигрантские семьи, и пропал без вести при эвакуации.

«Мы ничего не знали о нём пять лет, — говорил Мюллер, сжимая портсигар так, что побелели костяшки пальцев. — А теперь вы привозите мне его портсигар, это знак. Это... я не знаю что».

Карл почувствовал, как что-то сжимается у него в груди. Война это всегда трагедия. Но когда трагедия касается тебя лично, она становится невыносимой.

Мюллер поднял глаза на Карла: «Господин Энерот, я отдам вам всё, что угодно, за этот портсигар. Деньги, золото, драгоценности у меня есть кое-что припрятано на чёрный день, только верните мне память о брате».

Карл посмотрел на отца. Старый Энерот, который всю жизнь учил сына, что память дороже денег, едва заметно кивнул. Карл сказал: «Мне не нужны деньги, герр лейтенант. Мне нужны шифры. Немецкие военные шифры, которые вы, как инженер из Киля, можете достать, и ещё кое-какие тайны, о подводных лодках, о радарях, о новом оружии, которое ваши учёные прячут в горах».

Мюллер замер. Он посмотрел на полковника фон Рихтгофена, который делал вид, что не слушает, но его уши, казалось, вытянулись в трубочку. Потом снова на Карла.

«Вы понимаете, что вы просите? Это измена. Расстрел. Смерть не только мне, но и моей семье».

Карл кивнул: «Я понимаю, но вы видели, что творится вокруг. Ваша Германия проигрывает войну. Русские уже в четырехстах километрах от Берлина. Американцы на Рейне. Через месяц-два всё кончится и тогда ваши шифры и тайны никому не будут нужны, кроме победителей, а я предлагаю вам сделку сейчас. Пока они ещё чего-то стоят».

Мюллер долго молчал. Он вертел портсигар в руках, гладил гравировку, подносил к свету. Потом вздохнул и сказал: «Хорошо. Я согласен, но мне нужно время. Неделя, может быть, две, шифры я достану, у меня есть знакомые в штабе флота. Тайны... о каких тайнах вы говорите?»

Карл назвал несколько вещей, которые узнал от Биргитты и из лондонских архивов: секретные разработки подводных лодок типа XXI, радары сантиметрового диапазона, реактивные двигатели, которые немцы прятали в лесах Баварии, и, конечно, соляные шахты Альт-Аусзее, где хранились сокровища. Мюллер побледнел ещё сильнее, но кивнул.

Отец, который всё это время молчал, наконец встал и хлопнул сына по плечу.

«Ну, Карл, — сказал он. — Ты всегда умел договариваться. Даже с немцами. Даже почти на их территории».

Он взял портсигар из рук Мюллера: «Пока сделка не выполнена, портсигар останется у нас. Когда принесешь шифры и тайны получишь награду».

Мюллер хотел возразить, но отец поднял руку, и он замолчал. В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов на стене.

После игры, когда немцы ушли, Карл и отец вышли на балкон. С балкона открывался вид на Фленсбургский фьорд — узкий, глубокий, с тёмной водой, отражающей низкое февральское солнце и там, внизу, Карл увидел то, чего не ожидал. С моря, из тумана, выплывали транспорты: большие, низкобортные, гружёные по самую ватерлинию. Они причаливали к временным пирсам, и с них, в строгом, почти парадном порядке, высаживались солдаты. Это была 7-я пехотная дивизия, та самая, которую он видел в Линчёпинге.

Карл насчитал около пяти тысяч солдат. Они сходили на берег, строились в колонны и маршем уходили в город, на заранее подготовленные позиции. За ними выгружали орудия, сто двадцать стволов разного калибра, от полевых пушек до миномётов. Потом пошли лошади в тысячу девятьсот голов, одна к одной, серые и гнедые, с сеном на спинах и усталыми глазами. И наконец автомобили: четыреста пятьдесят грузовиков, легковушек, мотоциклов, которые с рёвом выезжали на берег и уходили в глубь города. Всё это происходило молча, без криков и суеты, как хорошо отрепетированный спектакль.

Отец, глядя на это, сказал: «Седьмая, хорошие ребята. Я знаю их командира — полковник Лундин, старый вояка, ещё с финской кампании. Они пойдут на юг, к границе с Германией. Если фрицы полезут, они их встретят».

Карл кивнул, но в душе надеялся, что до этого не дойдёт. Швеция воевала последний раз в 1814 году.

Пока они смотрели на высадку 7-й дивизии, с другой стороны фьорда, со стороны Немецкого моря, показались боевые корабли: эсминцы, тральщики, несколько старых крейсеров, которые Швеция держала в резерве. Они подошли к пирсам, и с них начали высаживать 5-ю дивизию. Карл насчитал семь тысяч восемьсот солдат, на две тысячи больше, чем в 7-й, и они были лучше вооружены: автоматы, ручные пулемёты, даже несколько зенитных установок на грузовиках.

Артиллерии у 5-й дивизии было сто восемьдесят стволов: полевые орудия, гаубицы, противотанковые пушки. Лошадей две тысячи девятьсот, почти три тысячи, и они были крупнее, тяжелее, чем у 7-й, видно, из немецких трофеев. Автомобилей шестьсот восемьдесят, и среди них Карл заметил несколько бронетранспортёров, которые Швеция купила у Германии ещё в начале войны. Всё это двигалось на юг, к границе, и Карл вдруг понял, что его страна готовится к чему-то серьёзному, к чему-то, о чём не пишут в газетах.

Отец, закурив сигару, сказал: «Пятая это элита. Они прошли учения в Арктике, воевать не воевали, но готовы. Их командир — генерал Греш, молодой, амбициозный. Он хочет отличиться и быть первым шведским генералом, который выиграл сражение за двести лет».

Карл спросил, будет ли сражение.

Отец пожал плечами: «Кто знает? Немцы капитулируют через месяц, через два, а мы... мы будем стоять на границе и смотреть, как мир меняется. Может быть, это и есть наша судьба — быть зрителями на собственной истории».

Карл попрощался с отцом. Старый Энерот обнял сына, поцеловал в лоб и сказал: «Береги себя, Карл. И не лезь в авантюры. Твой портсигар это хорошо, но шифры и тайны... это опасно. Даже для тебя».

Карл кивнул, взял саквояж и вышел на улицу. У вокзала он сел в поезд до Берлина, старый, обшарпанный, с деревянными скамьями и запахом угля, и когда поезд тронулся, долго смотрел в окно на Фленсбург, который таял в утренней дымке, на солдат 5-й и 7-й дивизий, которые маршировали на юг, на отца, который стоял на балконе и курил сигару, глядя ему вслед. Война заканчивалась. Но для Карла она только начиналась, другая, тайная, где на кону стояли не жизни, а память и «Дама под вуалью», которая ждала его в соляных шахтах Австрии, была только началом.

Граница

Поезд подходил к границе Швеции с Германией 23 февраля, медленно, как будто нехотя, и я, сидя у окна в купе второго класса, смотрел, как за окном проплывают заснеженные поля, редкие деревни и леса, которые становились всё более унылыми по мере приближения к Германии. В купе, кроме меня, ехали ещё трое: пожилой мужчина в сером костюме, который всю дорогу читал газету, молодая женщина с ребёнком на руках и торговец, который, судя по его чемоданам, вёз образцы тканей. Я чувствовал, как внутри нарастает напряжение, но старался не подавать виду, листая каталог SKF, который держал в руках как оправдание своей поездки.

Поезд остановился, и за окном я увидел немецких пограничников в серых шинелях, с автоматами на плечах. Они ходили вдоль вагонов, заглядывая в окна, и один из них, высокий, с бледным лицом и холодными глазами, открыл дверь нашего купе и сказал: «Aussteigen, bitte. Passkontrolle».

Мы вышли в коридор, и я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, встал в очередь. Передо мной проверяли документы у торговца, который, заикаясь, объяснял, что он едет в Берлин на ярмарку. Пограничник, не слушая, поставил печать и жестом отослал его обратно.

Когда подошла моя очередь, я протянул свои документы: паспорт на имя Карла Бергмана, командировочное удостоверение SKF и приглашение от немецкой фирмы-партнёра.

Пограничник долго рассматривал их, перелистывая страницы, потом поднял на меня глаза, серые, усталые, такие, наверное, бывают у людей, которые за годы войны проверили миллион документов и всё равно не научились отличать правду от лжи и спросил: «Wohin fahren Sie?» («Куда едете?»).

Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь, и я, стараясь, чтобы мой звучал спокойно, ответил: «Nach Berlin» («В Берлин»).

Он не моргнул, только спросил снова: «Warum?» («Зачем?»).

И тут я пустил в ход свою легенду: «Ich bin Handelsvertreter von SKF. Wir liefern Kugellager für die deutsche Industrie. Ich habe einen Termin mit unseren Partnern» («Я торговый представитель SKF. Мы поставляем шарикоподшипники для немецкой промышленности. У меня встреча с партнёрами»).

Сказал это чётко, по-немецки, как учили, хотя внутри всё тряслось. Он кивнул, но документы не отдал, только жестом пригласил следовать за ним, и я, чувствуя, как подошвы ботинок прилипают к грязному полу, пошёл, думая: «Всё, провал».

Мы прошли в маленькую комнату на перроне, где за столом сидел ещё один офицер, с нашивками таможенной службы. Меня попросили открыть чемодан, и я, стараясь не дрожать, откинул замки. Внутри лежали образцы подшипников, каталоги SKF, несколько рубашек, носки, бритва и блокнот, в котором я записывал свои мысли о предстоящей встрече. Офицер вынул всё содержимое, тщательно перетряхнул каждую вещь, даже пощупал подкладку пиджака. Я стоял, боясь пошевелиться, и чувствовал, как капелька пота скатывается по спине.

«Haben Sie etwas zu verzollen?» («Есть что-нибудь к таможенному досмотру?») — спросил офицер, и я, стараясь не заикаться, ответил, что нет, только личные вещи и образцы для презентации.

Он кивнул, но руки его продолжали шарить по карманам моего пиджака, выворачивая их наизнанку, и я слышал, как внутри чемодана звякнула бритва, ударившись о флакон с одеколоном. Потом он проверил подкладку, даже ботинки поднял, заглянул внутрь, и я стоял ни жив ни мёртв, молясь, чтобы он не нащупал потайной карман в плаще, где лежал пистолет и вдруг, о чудо! Он отодвинулся, закрыл чемодан и сказал: «Ihre Papiere sind in Ordnung. Sie können gehen» («Ваши документы в порядке. Можете идти»).

Я так быстро выскочил на перрон, что чуть не забыл чемодан. Схватил его, выбежал и только тогда почувствовал, как колени трясутся, а спина взмокла от страха.

В поезде, когда состав тронулся, я сел на своё место, вытер лицо носовым платком и вдруг заметил, что руки до сих пор дрожат. Рядом со мной сидел толстый торговец в клетчатом пиджаке, который, видимо, заметил моё состояние, потому что спросил участливо: «Nervös?» («Нервничаете?»).

Я усмехнулся, развёл руками, ну да, нервничаю, кто ж не нервничает, а он, подмигнув, ответил: «Das ist normal. Die Grenzer sind immer streng. Aber wenn man saubere Papiere hat, passiert nichts» («Это нормально. Пограничники всегда строги. Но если у вас чистые документы, ничего не случится»).

Я кивнул, хотя про себя подумал: «Чистые-то они чистые, а вот плащ...».

Я кивнул, чувствуя, как от этого разговора напряжение понемногу отпускает, потом, когда мы проехали границу, я заказал у проводника обед: тарелку горохового супа (1 марка) и кусок хлеба (20 пфеннигов).

Суп был горячим, наваристым, и я, чувствуя, как голод напоминает о себе, съел его с аппетитом. Торговец, сидевший рядом, заказал жаркое из свинины с картофелем (2 марки) и кружку пива (50 пфеннигов). Мы разговорились, и он рассказал, что ездит в Берлин каждые две недели, что дела идут плохо, но он надеется, что после войны всё наладится.

Я спросил, сколько стоит его товар, и он, усмехнувшись, сказал, что цены выросли в три раза, но покупателей стало меньше.

«Die Leute haben kein Geld, — сказал он, — und die Fabriken stehen still. Aber wir müssen weitermachen. Was bleibt uns anderes übrig?»

Я кивнул, и мы замолчали, глядя в окно, где уже начинало темнеть. Вечером, когда поезд остановился в Гамбурге, я вышел на перрон, купил у разносчика бутерброд с колбасой (50 пфеннигов) и кружку кофе (30 пфеннигов), и, вернувшись в купе, съел их, чувствуя, как от этой простой еды становится теплее на душе. Потом я достал блокнот и начал записывать свои впечатления, но через полчаса, утомлённый дорогой, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Поезд шёл на юг, в Берлин, и я, чувствуя, как колёса отбивают ритм, подумал о том, что завтра начнётся самое трудное.

Берлин

24 февраля, суббота. Поезд замедлял ход, въезжая на перрон Берлинского вокзала. За окном, в сером свете раннего утра, открывалась картина, которую невозможно забыть. Город был изранен и изуродован: вместо привычных кварталов зияли пустоты, заваленные горами битого кирпича, торчали лишь стены сгоревших домов с пустыми глазницами окон, а кое-где, как насмешка, стояли нетронутые здания, делая разрушения вокруг еще более жуткими. Вдоль перрона сновали люди, и их лица были мрачны, осунувшись, отражая усталость и страх. Многие были в пальто, перетянутых веревками, с узлами и чемоданами, это были беженцы, спасавшиеся от наступающей с востока Красной Армии.

Я поправил пальто, взял чемодан и вышел из вагона. Поезд дальше не шел: сообщение с западными районами было нарушено. На перроне, среди мечущейся толпы, я заметил полицейских. Они были в длинных шинелях, но выглядели не как символ власти, а как загнанные звери. Они не патрулировали, а просто стояли, устало оглядывая поток людей. Где-то вдалеке слышались разрывы, русские самолеты работали по восточным окраинам. Берлин февраля 1945-го уже стал прифронтовым городом.

Я вышел на площадь перед вокзалом. Такси здесь были, но не те, что в Стокгольме. Старые «Опели» и «Мерседесы» с деревянными газогенераторными установками на прицепе. Они были покрыты копотью и грязью, а их двигатели работали с надрывом. Я подозвал одно. Шофер, пожилой мужчина в кепке, с безразличным лицом, назвал цену. Торговаться не было смысла, мы поехали по городу.

Мы ехали по улицам, и я узнавал Берлин по старым фотографиям, но не мог поверить, что это он. На месте Тиргартена, где когда-то гуляли влюбленные, торчали лишь обгоревшие стволы деревьев. На перекрестках были вырыты траншеи и установлены баррикады. На крышах домов стояли зенитки, а у их подъездов располагались мешки с песком. Город готовился к уличным боям, превращаясь в крепость, это был не Берлин, а «крепость Берлин», как называли его в сводках.

Я расплатился с шофером и вышел. На улицах было пустынно. Лишь редкие прохожие, в основном женщины и старики, спешили по своим делам. Мужчин призывного возраста почти не было, всех забрали в фольксштурм. В воздухе висела тяжелая, гнетущая тишина, изредка нарушаемая отдаленными раскатами канонады. Я чувствовал себя чужим в этом городе, и это чувство помогало мне держаться, напоминая, что я здесь по заданию, под чужим именем.

Дом, где, по сведениям разведки, работал Цузе, находился в районе Берлин-Лихтерфельде. Это был тихий район, где разрушения были не столь катастрофичны, как в центре. Здесь еще сохранились целые улицы с аккуратными домами. Я подошел к нужному зданию. Это была не лаборатория, а обычный жилой дом. Я зашел в подъезд и поднялся на второй этаж. На двери была приклеена небольшая табличка: «Forschungsanstalt für Flugzeugbau». Я глубоко вздохнул и постучал.

Дверь открыл человек, в котором я сразу узнал Конрада Цузе. Он был худ, бледен, с глубоко запавшими глазами, одет в потертый лабораторный халат. Я представился: «Карл Бергман, от Свена из Стокгольма».

Он на секунду замер, потом впустил меня внутрь. В квартире-лаборатории царил полумрак. Я везде слышал мерный шелк, это работали его реле. Несмотря на ужас вокруг, его детище жило. Но я видел, что и сам Цузе выглядел так, будто не ел нормально несколько дней. Я не стал начинать серьезный разговор в такой обстановке.

«Конрад, — сказал я, переходя на «ты», как и советовал Бергман, чтобы сразу снизить дистанцию, — ты не голоден? Давай выйдем, поедим нормально. Угощаю».

Он удивленно поднял бровь, но не стал отказываться. Мы вышли на холодную, заснеженную улицу, и я, взяв его под руку, повел в то самое кафе «Анна». По дороге он молчал, только изредка бросал взгляды на руины, которые стали привычным пейзажем для берлинцев. В кафе, где было тепло, но пустынно, мы сели за столик в углу. Я заказал для нас обоих все, что было в меню: две тарелки горохового супа с копченой свиной (по 1.5 марки), два больших куска ржаного хлеба с маслом (по 30 пфеннигов), две порции жареной свиной с тушеной капустой (по 3 марки) и два стакана эрзац-кофе (по 40 пфеннигов). Я также взял две кружки настоящего пива (по 50 пфеннигов), редкое удовольствие в этом кафе, где обычно подавали только суррогаты.

Цузе сначала ел медленно, с недоверием, но потом, когда голод взял свое, уплетал все подряд, не поднимая головы. Я смотрел на него и чувствовал, что сделал первый шаг к его сердцу. Он доел, вытер губы салфеткой и, откинувшись на спинку стула, сказал: «Спасибо. Давно я так не ел».

Я спросил, сколько он получает в Германии, и он, усмехнувшись, ответил, что его зарплата инженера едва покрывает расходы на еду, и что он уже три месяца не получал премий.

«Война, — сказал он, — все идет на фронт, а мы, инженеры, сидим на голодном пайке».

Я спросил, хочет ли он, чтобы это изменилось, и он, насторожившись, сказал, что не понимает, к чему я клоню. Я предложил выпить пива и поговорить у него дома, где никто не помешает.

Мы вернулись в его квартиру-лабораторию, и я, достав из кармана пачку шведских сигарет «John Silver», угостил его. Он закурил, а я поставил кружку с пивом на стол, и пиво, темное, мутное, пахло солодом и хмелем, но я не чувствовал вкуса, потому что мысли мои были заняты другим. Цузе сидел напротив, сжав руки, и его пальцы, тонкие, с обкусанными ногтями, дрожали. Я решил не давить, а говорить спокойно, как будто мы обсуждали не его жизнь, а просто план поездки на выходные.

«Конрад, — сказал я, делая глоток, — я понимаю, что ты сомневаешься. Но давай по порядку. У тебя есть семья?»

Он поднял голову, и в его глазах, серых, с красными прожилками, мелькнула боль.

«Да, — ответил он тихо. — Моя жена, Жизела. Она беременна. Мы поженились в январе».

Я кивнул, чувствуя, как внутри что-то ёкнуло. «Ты хочешь, чтобы твой ребёнок родился в городе, который вот-вот возьмут русские?»

Он промолчал, и я продолжил: «В Швеции война не идёт. Там твоя жена будет в безопасности. Родит в больнице, с врачами, с тёплыми одеялами и молоком. А здесь? Здесь, если она выживет при бомбёжке, ей придётся рожать в подвале, без света, без воды».

Он закрыл лицо руками, и я увидел, как его плечи вздрагивают.

«А машина? — спросил он, убирая руки. — Моя Z4. Она весит тонну. Как вы её вывезете?»

Я усмехнулся, чувствуя, что этот вопрос я ждал. «У нас есть грузовики, есть люди. Мы разберём её на части, упакуем каждую деталь в ящик и перевезём через границу. Это не просто, но возможно. Нужно только, чтобы ты помог. Сказал, что нужно разобрать в первую очередь, что нельзя повредить».

Он задумался, и я добавил: «Твоя машина, Конрад, это не просто железо. Это история и если она останется здесь, русские её либо уничтожат, либо заберут себе и тогда твоё имя будет забыто».

Я спросил, знает ли он, для чего нужны компьютеры в Швеции. Он покачал головой, и я, достав из кармана блокнот, начал перечислять: «Во-первых, для баллистических расчётов. Наши артиллеристы смогут стрелять точнее, если будут знать, как ветер, температура и

влажность влияют на снаряд. Во-вторых, для ракет. У нас есть информация, что немцы строят ракеты V-2. Мы хотим свои. Но без компьютера рассчитать траекторию невозможно».

Он слушал, и я видел, как его лицо, сначала напряжённое, постепенно расслабляется.

«В-третьих, для шифров. Мы перехватываем немецкие сообщения, но не можем их расшифровать. Твой компьютер сможет и тогда война закончится быстрее».

Цузе поднял голову, и в его глазах мелькнула надежда. «А если я откажусь? Что тогда?»

Я отпил пиво и ответил: «Тогда ты останешься здесь. Русские придут, заберут твою машину, а тебя, возможно, посадят в тюрьму или отправят в Сибирь. Твоя жена будет одна, без тебя. Твой ребёнок вырастет без отца. Это то, чего ты хочешь?»

Он молчал, и я чувствовал, как его сопротивление тает, как снег под весенним солнцем.

«Я не хочу, — сказал он наконец. — Но я боюсь, что вы меня обманите, что вы заберёте мою машину, а меня бросите».

Я положил руку ему на плечо и сказал: «Конрад, мы шведы. Мы не обманываем. Мы слово держим».

«Но как я узнаю, что вы не врётё? — спросил он, и его голос дрогнул. — Вокруг все врут. Нацисты врут, союзники врут, даже газеты врут».

Я достал из кармана письмо, которое дал мне Линдерот, и протянул ему. «Вот. Это гарантия. Подписана министром обороны Швеции. Ты получаешь лабораторию, жильё, 10 000 крон в год, поверь мне, на скромную жизнь этого достаточно, если ты захочешь уехать, никто тебя не держит». Он взял письмо, прочитал и, положив его на стол, сказал: «Я подумую».

Я кивнул, чувствуя, что ещё немного, и он согласится.

«А что, если мы не успеем? — спросил он, глядя в окно, где уже темнело. — Что, если русские придут раньше, чем мы вывезем машину?»

Я ответил: «Тогда мы взорвём её. Чтобы не досталась врагу. Но это крайний случай. Я надеюсь, до этого не дойдёт».

Он покачал головой и сказал: «Взорвать? Это же моё детище. Я десять лет его строил».

Я ответил: «Лучше взорвать, чем отдать русским. Они используют её против нас, мы не можем этого допустить в Швеции построишь новую у нас полно подшипников SKF и реле Эрикссон».

«Хорошо, — сказал он, и его голос стал твёрже. — Я согласен. Но только если вы вывезете мою жену, чертежи и запасные детали».

Я кивнул и сказал: «Всё вывезем. И даже больше. Если у тебя есть ученики, которые хотят поехать с тобой, мы возьмём и их».

Он удивился, но спорить не стал, только сказал: «У меня есть два помощника. Они тоже хотят уехать, но они боятся».

Я ответил: «Скажи им, чтобы собирали вещи, мы уезжаем послезавтра».

Мы допили пиво, и я, чувствуя, как от этого разговора, от этого согласия, от этой надежды становится тепло на душе, подумал о том, что сегодня, 24 февраля 1945 года, я сделал не просто шаг, а прыжок. Прыжок в будущее, где шведские компьютеры будут считать ракеты, где шведские ракеты будут летать в космос, где шведские учёные будут менять мир и что этот прыжок стал возможен только потому, что я вовремя нашёл нужные слова, нужные аргументы и нужного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.